

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

I.

Послѣднее польское восстание вызвало къ жизни и поставило на очередь новую, до тѣхъ поръ не сознанную сторону еврейскаго вопроса.

Въ то время какъ прежде казалось достаточнымъ разрѣшить вопросъ о гражданскомъ положеніи евреевъ съ точекъ зрея религіозной, экономической и соціальной, въ настоящее время настоятельно необходимо прийти къ какимъ нибудь положительнымъ результатамъ относительно политического значенія евреевъ на западной окраинѣ. Пробудившееся въ послѣдніе годы национальное чувство русскаго народа громко требуетъ отвѣта на вопросы: чѣмъ были евреи, въ отношеніи политическомъ, во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и какъ слѣдуетъ смотрѣть на нихъ въ настоящее время — какъ на враговъ или друзей русскаго дѣла въ западной Россіи и бывшемъ Царствѣ Польскомъ? Составляютъ ли евреи опредѣленный государственный и сословный элементъ или индифферентную массу, не принимающую никакого участія въ политической жизни страны? Если евреи дѣйствительно имѣютъ положительное политическое исповѣданіе, то какое именно и въ какой мѣрѣ велика эта пресловутая еврейская сила, о которой протрубыли на всю Россію органы извѣстной партіи крутой системы обрусенія? Что было сдѣлано изъ этой силы до сихъ поръ и что можно сдѣлать изъ нея въ будущемъ? Эти и многіе другие подобные вопросы, очевидно вытекающіе изъ одного и того же основанія, повторяемъ, должны быть непремѣнно разрѣшены въ томъ или другомъ смыслѣ, прежде чѣмъ взяться за послѣдовательную и обдуманную систему дѣйствій по

отношению къ западно-русскимъ и привислянскимъ евреямъ; ибо, съ одной стороны, еврейскій вопросъ, и безъ того уже отложенный въ долгій ящикъ, не можетъ быть болѣе отсроченъ, а съ другой, послѣдовательность и постоянство есть необходимое условіе успѣха какъ общественной, такъ и государственной дѣятельности. Нѣть никакого сомнѣнія, что благопріятный для гражданского равноправія евреевъ исходить возможенъ только въ томъ случаѣ, если этому не воспрепятствуютъ правильно понятыя политическія соображенія. Какъ бы мы ни были всѣ убѣждены, что религіозные и соціально-экономические виды не только не мѣшаютъ, но даже требуютъ уравненія гражданского положенія евреевъ съ положеніемъ коренного населения, но если отъ этой эманципаціи евреевъ могутъ пострадать хоть сколько нибудь государственные интересы русского народа, то мы должны оставить всякую надежду на возможность эманципаціи, по крайней мѣрѣ впредь до радикального измѣненія какъ быта самыхъ евреевъ, такъ и господствующихъ на счетъ этого въ русскомъ народѣ понятій. Поэтому, вопросъ о полезности обрученія окраинъ есть «быть или не быть» ихъ эманципаціи и равноправности. Но понятно, что при такой важности этого вопроса, имѣющаго первостепенное значеніе вообще для русского дѣла въ западной Россіи и привислянскомъ краѣ, отвѣтъ на него можетъ быть данъ только послѣ тщательнаго изученія его по источникамъ, представляемымъ исторіей и жизнью.

Для этого обратимся прежде всего къ характеристику положенія евреевъ въ старой Польшѣ, такъ какъ здѣсь мы найдемъ ключъ къ разгадкѣ ихъ настоящей судьбы въ западномъ и привислянскомъ краѣ. Польские историки и публицисты часто попрекаютъ евреевъ тѣмъ, что они были приняты въ ихъ странѣ ласково и дружелюбно въ то время, когда во всей Европѣ ихъ преслѣдовали самыми жестокими образомъ, и что они не смотря на то, что пользовались здѣсь такими правами и преимуществами, какъ нигдѣ, они однакожъ не ополячились и не сдѣлались полезными гражданами. Мотивъ этотъ переняли и некоторые русские жидоѣды, которые не брезгаютъ никакими аргументами для того, чтобы доказать жидовъ. А между тѣмъ этотъ упрекъ въ высшей степени неоснователенъ.

Правда, что евреи въ царствѣ польскомъ и великому княжествѣ литовскомъ, начиная съ XIV вѣка, давались различные привилегіи и вольности; правда и то, что въ экономическомъ отношеніи положеніе евреевъ въ польскихъ и литовскихъ земляхъ было сноснѣе, чѣмъ въ иѣкоторыхъ европейскихъ странахъ; но медаль имѣеть и свою оборотную сторону, значительно измѣняющую первое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какой былъ характеръ этихъ еврейскихъ привилегій, что имѣлось въ виду при ихъ установлѣніи, какъ они исполнялись на дѣлѣ и въ какомъ отношеніи находились къ правамъ другихъ классовъ населенія? На эти вопросы безпристрастная исторія даетъ очень поучительные отвѣты. «Евреи, говорится въ статутѣ Казимира, должны имѣть всѣ средства къ накопленію денегъ, чтобы въ случаѣ надобности могли удѣлять часть ихъ на пользу государства»¹⁾). Еслибъ отъ всей польской исторіи намъ ничего не осталось бы, кроме этого мѣста, мы также легко могли бы возсоздать по немъ картину еврейского быта въ польскихъ земляхъ, какъ легко натуралистъ по одному зубу или кости допотопнаго животнаго конструируетъ весь его организмъ. Но мы имѣемъ множество другихъ болѣе подробныхъ данныхъ, доказывающихъ, что въ этихъ словахъ польского законодателя выражается не личное мнѣніе или случайное соображеніе, а квинт-эссенція польской политики относительно евреевъ за все время существованія Рѣчи Посполитой.

По свидѣтельству законодательныхъ актовъ и всѣхъ польскихъ историковъ (напр. Чацкаго, Шайноха и др.) евреи привлекали и заманивали въ свои владѣнія изъ западной Европы литовскіе и русскіе князья и польскіе короли съ цѣлью поощрять городскую промышленность. Затѣмъ, когда евреи поселились уже въ достаточномъ количествѣ, на нихъ никогда не переставали смотрѣть какъ на необходимое зло, какъ на людей, которые въ сущности не были людьми, т. е. гражданами страны, но изъ которыхъ все таки можно было извлечь иѣкоторую пользу, и потому терпимыхъ. Такъ напр. въ постановлѣніи коронаціоннаго сейма при Владиславѣ IV, отъ 1633 г.,

¹⁾ Приведено у Журавскаго, Статист. Опис. Кіев. губ., т. I, стр. 369.

говорится, что по случаю вздорожания цѣнъ на всѣ предметы, чины Великаго Княжества Литовскаго ходатайствовали предъ королемъ обѣ облегченіи евреямъ правъ торговли и король обѣщалъ исполнить ихъ желаніе¹⁾.

Евреямъ покровительствовали еще для того, чтобы образовать изъ нихъ туземное городское сословіе, какъ противовѣсь начавшемуся съ давнихъ поръ поселенію и преобладанію въ польскихъ земляхъ нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Для этой цѣли евреевъ освобождали законодательными актами отъ вліянія нѣмецкихъ городовыхъ магистратовъ и цеховъ, постоянно употреблявшихъ всевозможная усиленія, чтобы подчинить себѣ опасныхъ конкурентовъ евреевъ; впрочемъ нерѣдко эти усиленія увѣничивались успѣхомъ и тогда положеніе евреевъ подъ властью глубоко ненавидѣвшаго его магистрата становилось самымъ безотраднымъ.

Гдѣ только встрѣчалась нужда въ поднятіи раззоренныхъ пожарами и войнами городовъ, или гдѣ нужно было основать новый городъ, тамъ евреи принимались съ распостертыми объятіями и имъ даровалась полная свобода торговли. Такъ было сдѣлано въ 1676 г. относительно города Новыя Сончи, а въ 1677 г. для городовъ Хенцина, Хельма и Казиміра. Но гдѣ только городъ начиналъ процвѣтать и въ немъ образовалось болѣе или менѣе сильное и многочисленное христіанское городское сословіе, какъ тотчасъ, по проискамъ этого послѣдняго, начинались довольно существенные стѣсненія правъ и осѣдлости евреевъ, причемъ предписывалось евреямъ не иначе селиться и торговать въ городахъ, какъ на основаніи особаго соглашенія съ городскимъ управлѣніемъ. Таковы напр. привилегіи Каменца-Подольска отъ 1659 и 1670 гг., которыми воспрещалось евреямъ жить въ этомъ городѣ сверхъ опредѣленнаго привилегіями города срока.

Чтобы не испещрять нашей статьи безъ нужды ссылками на различныхъ авторовъ—ограничимся еще нѣкоторыми свѣдѣніями, заимствованными изъ одного изъ лучшихъ и новѣйшихъ сочиненій

¹⁾) *Volumina legum*, III, 384.

по этому предмету — «Сборника свѣдѣній о польскомъ мятежѣ 1863 г.
въ сѣверо-западномъ краѣ» г. Ратча.

Евреи, говорить онъ, хотя и служили предметомъ для потѣхи
и удали, въ часы разгула, шляхетства, хотя, вопреки привилегі-
ямъ и охраннымъ листамъ, имъ приходилось терпѣть больше дру-
гихъ отъ грабежа и насилий расходившейся шляхетской фанаберії,
но зато чѣмъ болѣе ихъ давило и унижало своеволіе, тѣмъ назой-
ливѣе они стремились къ власти и господству. Евреи нашли по-
кровителей въ панахъ-землевладѣльцахъ и въ латинскомъ духовен-
ствѣ. Польская жизнь выработала такимъ образомъ тяжелый гнетъ
надъ низшимъ населеніемъ тройственного союза пана, ксендза и ев-
рея. Ерейство въ лицѣ кагала имѣло свое управлѣніе, свои законы,
свой судъ, свои наказанія, даже до смертной казни (?). При ка-
галѣ богатые и вліятельные покровительствовали бѣднымъ, но за
то держали ихъ подъ деспотическою властью. Низшій еврейскій
классъ долженъ былъ выносить весь тяжкій гнетъ своего вліятель-
наго класса и служить ему наипослушнѣйшимъ орудіемъ. Кагаль
находилъ потворство и даже опору въ мѣстныхъ властяхъ, исполн-
ителяхъ правительственныхъ распоряженій, и неограниченная власть
его надъ членами еврейской общины признавалась офиціально.

Евреи старались оградить себя отъ притѣсненій шляхты и городскихъ
властей испрашиваемыми каждый разъ у королей и сеймовъ новыми
привилегіями и охранными листами. Шляхетство въ свою очередь
всегда добивалось новыхъ правъ, чтобы льготы мѣщанства не могли
освободить его отъ угнетенія шляхтой. Евреи тоже стѣсняли про-
изволъ польского дворянства, какъ постоянными искаательствами у
королей и магнатовъ защиты противъ мелкихъ хищниковъ, такъ
еще болѣе тѣмъ, что силѣ шляхетства они противостояли орга-
низованную силу плотно соединенного кагала. Евреи были ненави-
димы; но и они, съ своей стороны, подъ личиной угодливости, пи-
тали къ высшему классу населенія самое враждебное настроеніе
духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ полонизмъ, призвавъ еврея въ исполнители
своихъ насилий надъ крѣпостнымъ русскимъ населеніемъ, возстано-
вилъ противъ него и простолюдина, такъ что въ результатѣполь-
ской жизни получился самый глубокій разладъ и непримиримая

вражда между всѣми классами и сословіями. Евреи утвердились до того, что усвоили себѣ всѣ замашки шляхетскаго самоуправства и подобно имъ иногда производили насилия, на что указывается въ лѣтописяхъ мѣстной исторіи и архивахъ суда и администраціи. Это было для нихъ тѣмъ легче, что они стали неизбѣжными участниками панскаго хозяйства, причемъ пользовались для своихъ личныхъ интересовъ распущенностью и лѣнью, которой предавалось сословіе землевладѣльцевъ, болѣе занятыхъ подготовленіями партій для сеймовъ и сеймиковъ, чѣмъ своими дѣлами¹⁾. До какой степени ложны увѣренія полякующихъ писателей, будто евреи въ Рѣчи Посполитой нашли такой пріютъ, какъ нигдѣ, видно напр. изъ того поразительного факта, что еще въ 1629 году изъ 453 городовъ въ Польшѣ 208 не терпѣли у себя евреевъ. Въ деревняхъ же осѣдлость воспрещалась имъ постоянно, такъ что не проходило почти ни одного сейма безъ строжайшаго повторенія этого воспрещенія, хотя экономическія нужды края оказывались, какъ и вездѣ, сильнѣе искусственныхъ стѣсненій и заставляли какъ евреевъ, такъ и остальное населеніе, нарушать сплошь да рядомъ эти воспрещенія.

Выводы изъ всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ польской исторіи очень осозательны. Ясно какъ день, что Польшѣ никогда и на мысль не приходило смотрѣть на евреевъ какъ на полноправныхъ гражданъ. Въ нихъ никогда не видѣли вообще людей, имѣющихъ поэтому самому свои прирожденныя, неотъемлемыя человѣческія права, и поэтому заслуживающихъ вниманія государства, существующаго для гражданъ, а не граждане для него. На евреевъ всегда смотрѣли какъ на орудіе къ достижению известныхъ, для нихъ совершенно постороннихъ цѣлей, какъ на средство, а не цѣль государственной дѣятельности. Имъ давали права и вольности, гдѣ въ нихъ чувствовалась настоятельная нужда и изъ ихъ энергіи и трудолюбія можно было извлечь какую нибудь пользу для казны или шляхты. Гдѣ же только можно было обойтись безъ нихъ, имъ самымъ ощутительнымъ образомъ давали знать, что они

¹⁾ Ратчъ, т. I, стр. 166—170, 175, 220, 241, 244.

презрѣнныи и ненавистныи чужеземцы, отъ которыхъ очень пріятно отдѣлаться. Но и права эти, то даваемыя, то отнимаемыя, смотря по надобности, даже тогда, когда они *de jure* существовали, очень часто превращались въ мертвые клочки бумаги, благодаря необузданному произволу шляхетства имагнатеріи, не признававшихъ надъ собой никакой законной власти. Еще менѣе, чѣмъ дворянство было расположено къ евреямъ нѣмецкое и польское городское сословіе, которое кромѣ религіознаго фанатизма и національнаго предубѣжденія имѣло еще болѣе основательныя экономическія причины ненавидѣть евреевъ, какъ опасныхъ конкурентовъ по торговлѣ и ремесламъ.

Наконецъ и внутреннее самоуправление еврейскихъ общинъ при польскомъ владычествѣ, на которое часто указываютъ, какъ на существенное благодѣяніе, оказанное польскимъ правительствомъ евреямъ, на самомъ дѣлѣ сдѣлалось причиной неисчислимыхъ бѣдствій для еврейской массы, такъ какъ при всеобщей анархіи и безурядицѣ и при отношеніи Польши къ евреямъ, какъ къ дойной коровѣ, мнимое самоуправление превратилось въ жестокую кабалу еврейскихъ общинъ, предоставленныхъ немногимъ міроѣдамъ, представителямъ этихъ общинъ передъ казной, давшей имъ неограниченную власть надъ жидовскимъ быдломъ, лишь бы они исправно взносили подати и вообще исполняли свои обязанности передъ ней. Вотъ почему совершенно справедливо говорить г. М. Р., изслѣдованиемъ котораго мы отчасти пользовались¹⁾, въ отвѣтъ на заданный имъ себѣ вопросъ: чѣмъ была Польша для евреевъ?—слѣдующее. «Когда въ нихъ нуждались, она была для нихъ Палестиной, а когда думали, что съумѣютъ обходиться безъ нихъ, она обращалась для нихъ въ Египетъ. Пока полякъ нуждался въ евреѣ, онъ былъ для него другомъ, но лишь минута нужда, онъ превращался для него въ Фараона».

Ужъ по этимъ даннымъ можно напередъ предрѣшить категорически вопросъ: какія политическія убѣжденія, симпатіи и антипатіи

¹⁾ О западно-русскихъ евреяхъ (Приложение къ Гакармелю, годъ VI; см. № 25).

вынесли евреи изъ своего участія въ судьбахъ польскихъ владѣній. Но политической организмъ Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе внутренней своей несостоятельности, по непреложнымъ историческимъ законамъ, распался и уступилъ мѣсто государственнымъ формамъ болѣе жизненнымъ и состоятельнымъ. Бывшія польскія земли подпали власти сосѣднихъ государствъ—Австріи, Пруссіи и Россіи. Всльдъ затѣмъ начинается и продолжается безпрерывно до сихъ поръ такъ называемое великое будованіе, т. е. дѣятельная работа польской патріотической партіи къ возстановленію ойцины въ прежнемъ видѣ. При такой оживленной политической жизни польскихъ провинцій трехъ упомянутыхъ государствъ, при такомъ неимовѣрномъ напряженіи польского патріотизма, не оставившаго безъ вниманія ни одного, самаго мелочного явленія, которое можетъ послужить на пользу или вредъ польской справы, многочисленное во всѣхъ этихъ провинціяхъ еврейское населеніе должно же было придерживаться какой нибудь программы дѣйствій, заявить себя въ томъ или другомъ смыслѣ по волновавшему такъ глубоко всѣ польскія мѣстности вопросу. Съ подавленіемъ же этихъ возстаній заинтересованными правительствами, опытъ, который можетъ извлечь государство изъ соображенія образа дѣйствій всѣхъ слоевъ населенія въ эпоху революціонныхъ броженій, можетъ и долженъ служить для него лучшимъ руководителемъ во внутренней политикѣ по отношенію къ реорганизаціи потрясенныхъ мѣстностей и вдовренію въ нихъ началъ лучшей гражданственности и порядка. Поэтому, обсуждая вопросъ о значеніи западно-русскихъ и привислянскихъ евреевъ для дѣла обрусенія этихъ краевъ, я считаю лучшимъ для правильного уразумѣнія этого предмета способомъ, послѣ общихъ указаний о судьбѣ и роли евреевъ въ независимой Польшѣ, привести нѣкоторые, не лишенные интереса данныя, относительно политической жизни евреевъ въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ подъ владычествомъ Австріи, Пруссіи и Россіи, особенно въ періоды польскихъ возстаній. При этомъ сначала укажемъ на факты изъ исторіи принадлежащихъ Австріи и Пруссіи польскихъ провинцій, въ которыхъ такъ называемый польскій вопросъ решенъ раньше и положительнѣе, чѣмъ у насъ, и исторія которыхъ имѣеть

для нась, при сходствѣ обстоятельствѣ, громадный интересъ, какъ поучительный примѣръ для подражанія.

При своеволіи шляхетства, говорить г. Ратчъ, такъ основательно разработавшій польскій вопросъ по источникамъ, положеніе жидовъ въ Галиції не было завидное, и развѣ одни крестьяне могли позавидовать имъ. По присоединеніи этой провинціи къ Австріи, заботы австрійского правительства о пересозданіи общественаго строя страны, коснулись и евреевъ, которые не остались неблагодарными правительству, и на дѣлѣ, въ разнообразныхъ видахъ, старались ему помочь. Во времена революціонныхъ движений они оказывали ему наиболезнѣйшія услуги, постоянно доставляя ему извѣстія и служа ему агентами. Ретивость евреевъ была такъ велика, что едва ли не болѣе можно отнести къ преданности правительству и человѣколюбивымъ австрійскимъ чиновникамъ, чѣмъ къ ихъ корыстолюбію. Таковы были отношенія евреевъ къ австрійскому правительству всякой разъ, когда они чувствовали, что сила на сторонѣ правительственной власти и что отъ правительства они могутъ ожидать энергической поддержки своимъ интересамъ. Политика австрійского правительства въ отношеніи польскихъ провинцій заключается существенно въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону влиятельные элементы населенія. Но оно не всегда можетъ оградить одни элементы отъ посягательства другихъ, враждебныхъ имъ слоевъ населенія. Она не всегда можетъ всей силой своей власти поддерживать ту разумную равноправность, по которой личный трудъ и способности вели бы каждого къ упроченію своего благосостоянія и не допускать привилегированныхъ классовъ общества соединять свои силы съ цѣлью насилиственнаго преобладанія надъ другими, болѣе слабыми сословіями.

И только вслѣдствіе этого-то безсилія австрійского правительства и неспособности его постоянно поддерживать равновѣсіе общественныхъ силъ страны—польскій вопросъ вообще, и въ частности отношенія поляковъ къ евреямъ подвергались нѣкоторымъ, впрочемъ незначительнымъ колебаніямъ. Такъ напримѣръ въ революціонное время сороковыхъ годовъ поляки приобрѣли немало сторонниковъ и между евреями при помощи братанья и угрозъ. Угроза

особеній
свѣдѣнія
черножел
государст
тической
1848 г.
леніи Га
тациі кр
стали за
одинъ н
уже пол
даже либ
цвѣтами,
летное у
ской лес
Это видн
пиль съ
всю без
охлаждѣва
глаза свѣ
ская спр
въ 1852

Въ н
серваторі
на перво

Въ П
чіемъ, чт
держаніемъ
австрійск
въ сторон
ворить г.
безпомощн
Пруссаки

*) Пись

особенно дала толчекъ, замѣчаетъ очевидецъ, сообщающій эти свѣдѣнія. Впрочемъ масса еврейскаго населенія Галиціи держалась черножелтаго знамени (стороны Австріи). Послѣдовавшія колебанія государственной власти и уступки ея въ пользу польской патріотической партіи усилили вліяніе полонизма и на евреевъ. Съ 1848 г., когда польская партія получила преобладаніе въ управлении Галиціей, евреи опять стали помощниками пановъ въ эксплуатациі крестьянъ, и вообще замѣчается ополяченіе евреевъ. Іезуиты стали завлекать ихъ въ свои школы. «Въ наше время, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель той эпохи, образованные жиды начали уже полонизироваться, а еще во время революціи 40-хъ годовъ даже либералы между ними охотнѣе украшали себя черножелтыми цвѣтами, чѣмъ краснобѣлыми старой Польши». Но это было мимолетное увлеченіе немногихъ горячихъ головъ, одурманенныхъ польской лестью, и не имѣло прочнаго основанія въ еврейскомъ мірѣ. Это видно изъ того, что когда противъ польскихъ симпатій выступилъ съ горячей проповѣдью раввинъ Конъ, и доказалъ евреямъ всю безразсудность ихъ увлеченій, то послѣдніе начали быстро охладѣвать. Впрочемъ Конъ дорого поплатился за желаніе раскрыть глаза своимъ единовѣрцамъ насчетъ истиннаго ихъ положенія. Польская справа не могла равнодушно смотрѣть на его пропаганду и въ 1852 г. онъ былъ отравленъ съ женой и двумя дѣтьми.

Въ настоящее время «Галиційскіе евреи, какъ водится, все консерваторы, истые австрійцы». У нихъ, разумѣется, личные интересы на первомъ планѣ. Въ политику они почти не вмѣшиваются¹⁾.

Въ Пруссіи мы замѣчаемъ явленія аналогическія, съ тѣмъ отличиемъ, что прусское правительство гораздо послѣдовательнѣе и выдержанѣе проводило свою политику по польскому вопросу, чѣмъ австрійское, и потому здѣсь встрѣчаются гораздо менѣе колебаній въ сторону польскихъ тенденцій и затѣй. Еврейскія общества, говоритъ г. Ратчъ по нѣмецкимъ источникамъ, по своей слабости и беспомощности, всегда ищутъ опоры тамъ, где сила и власть. Пруссаки тѣмъ охотнѣе оказывали требуемую поддержку евреямъ,

¹⁾ Письмо изъ Львова («Новое Время» 1868 г. № 242).

что жаргонъ ихъ, при такомъ оборотѣ дѣлъ, быстро сталъ очищаться и замѣняться чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, и что вообще евреи, прильнувъ къ нѣмцамъ, увеличили собою ихъ ряды и тѣмъ облегчили имъ борьбу съ враждебнымъ полонизмомъ. Въ мятежъ 1848 года поляки всячески старались завлечь евреевъ, искушая однихъ барышами и, дѣйствуя на другихъ возбужденіемъ ихъ тщеславія; польская интеллигенція при этомъ не скучилась на лъстивыя слова, но когда разыгралась польская удаль, шляхта показала евреямъ, что еще не умерла Польша. Результатомъ этого было то, что во все время мятежа евреи сильно пострадали отъ насилий повстанцевъ и явно были на сторонѣ пруссаковъ. Вследствіе этого Пруссія стала еще снисходительнѣе къ евреямъ, и послѣ 1848 г. были отмѣнены многіе старинные законы, ограничивавшіе права ихъ гражданства. Правда, исторія польскихъ волненій въ Пруссіи указываетъ и на нѣсколькихъ личностяхъ еврейского происхожденія, принимавшихъ горячее участіе въ проискахъ поляковъ; таковы напр. Рехбергъ, Іогансонъ и др. Но зная чарующую силу польскихъ козней, конечно, нельзя придавать этому обстоятельству никакого особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что между нѣмцами, далеко превосходящими евреевъ въ политическомъ развитіи и сознаніи своей самостоятельности, поляки завербовали себѣ не менѣе, если не болѣе партизановъ. Очень замѣчательно еще то, что при прусскомъ владычествѣ въ Познани евреи существенно измѣнились не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Извѣстный своей германизаторской дѣятельностью познанскій намѣстникъ Флотвелль старался преимущественно о томъ, чтобы образовать въ краѣ сильное нѣмецкое городское сословіе. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Нѣмцы-купцы и ремесленники заняли мѣсто евреевъ и поглотили ихъ. Это было для нихъ тѣмъ легче, что на ихъ сторонѣ была большая честность и аккуратность. Подъ вліяніемъ такихъ измѣнившихся обстоятельствъ—познанскіе евреи, занимавшіеся прежде исключительно торговлей, обратились къ болѣе производительнымъ занятіямъ, напримѣръ ремесламъ¹⁾.

Таковы факты, объясняющие роль евреевъ въ польскихъ восстаніяхъ въ Австріи и Пруссіи. Въ слѣдующій разъ поговоримъ объ участіи евреевъ въ польскихъ волненіяхъ въ Россіи и о выводахъ, которые можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ данныхъ.

II.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности евреевъ въ эпоху революціонныхъ броженій въ польскихъ провинціяхъ Россіи, мы находимъ, что евреи и здѣсь заняли такое же мѣсто рѣшительныхъ друзей правительства и законнаго порядка. Правда, поляки, страдающіе въ политическомъ отношеніи органическимъ недугомъ легковѣрія и неисправимаго фантазерства, не мало изощряли свое воображеніе строеніемъ воздушныхъ замковъ и насчетъ завлеченія евреевъ въ польскую справу. Такъ напр., въ числѣ мѣръ къ подрыву благосостоянія Россіи, они разсчитывали на злоупотребленіе евреевъ-чиновниковъ акцизнаго вѣдомства въ великороссійскихъ губерніяхъ (Ратчъ, т. I, стр. 170). Они разсчитывали также, при помощи евреевъ, вліять на Ротшильда, и подвести мину подъ государственный кредитъ Россіи на европейскихъ биржахъ (тамъ же, стр. 246). Но нелѣпость и несбыточность этихъ, какъ и многихъ другихъ плановъ эмиграціи видна съ первого взгляда. На дѣлѣ же участіе евреевъ въ мятежѣ, если и было въ незначительныхъ размѣрахъ, то проистекало изъ двухъ основаній. По большей части участіе это было вынуждено насилиями повстанцевъ и страшными угрозами, нерѣдко приводившимися въ исполненіе. Выше мы привели отзывъ очевидца, что въ Галиціи угроза дала особенный толчокъ присоединенію части еврейскаго населенія къ повстанцамъ. Тоже самое было въ русской Польшѣ. Такъ мы имѣемъ извѣстіе, что съ самого начала волненій 1861 года польскія патріотки въ Варшавѣ одѣлись въ трауръ; мгновенно за ними послѣдовали евреїки, а затѣмъ и русскія барыни должны были надѣть трауръ по убитымъ въ уличныхъ безпорядкахъ (Ратчъ, I, 139). Читая это мѣсто, можно подумать, будто еврейское населеніе Варшавы, дѣйствительно, по убѣжденію, было вполнѣ солидарно съ восстаніемъ,

но далъе мы встрѣчаемъ иѣкоторое объясненіе этихъ симпатій евреевъ къ старой Польшѣ. Дѣло въ томъ, что гимназисты обрывали цветистыя платья, обливали ихъ сѣриной кислотой и чернилами. При такомъ оригинальномъ способѣ проявленія патріотизма не удивительно, что все населеніе съ виду примкнуло къ восстанію. Но была еще другая не менѣе могущественно дѣйствовавшая причина участія евреевъ въ мятежѣ.

Масса еврейского населенія, давно отученная отъ всякаго производительного труда, къ которому ее не допускали, привыкшая пробавляться крохами съ панского стола и видѣть главный источникъ своего пропитанія въ удовлетвореніи прихотямъ пановъ, естественно смотрѣла на восстаніе, какъ на прибыльную затѣю взбалмошной шляхты и не упускала случая нагрѣвать руки въ различныхъ дѣлахъ и продѣлкахъ революціонной агитации.

Такъ напр., сбыть Колокола въ Россіи былъ порученъ полякамъ еврейскому книгопродавцу (Ратчъ, I, 127). Изданія польской эмиграціи были распространяемы, между прочимъ, и иѣкоторыми еврейскими книгопродавцами (Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—63 г. Вильна, 1866 г., стр. 110). Вообще евреи, по указанію этого же сочиненія, «всегда были усердными исполнителями всевозможныхъ порученій польскихъ заговорщиковъ, которые щедро платили» (тамъ же, стр. 204). По словамъ г. Ратча, (т. 2, стр. 160—162) революціонныя затѣи въ Галиціи дали евреямъ большія прибыли, но они помогали полякамъ только тогда, когда немедленно получали вознагражденіе (тамъ же, т. I, стр. 154). Такое корыстное отношеніе къ политическимъ вопросамъ само по себѣ можетъ заслужить только порицанія; но строгость приговора надъ польскими евреями значительно смягчается, если принять въ соображеніе страшное моральное и физическое давленіе всемогущей шляхты на жившее въ его владѣніяхъ крестьянское и жидовское быдло, гнетущую съ давнихъ поръ евреевъ безвыходную бѣдность, отсутствіе, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, энергической поддержки со стороны правительства противъ притязаній и прописковъ мятежного дворянства и привычку съ давнихъ поръ жить за счетъ барскихъ затѣй и барской неумѣлости.

Можемъ ли мы, имѣя въ виду всѣ эти условія, винить евреевъ въ томъ, что ихъ отношенія къ польской справѣ не отличались особенной искренностью и благородствомъ въ большинствѣ случаевъ и что они изъ корыстныхъ видовъ подчасъ помогали дѣлу, которому никакъ не сочувствовали? Можемъ ли мы удивляться этому послѣднему обстоятельству, зная какъ низокъ уровень политической нравственности вообще во всѣхъ слояхъ населенія бывшаго царства польского? Приписывать же однимъ евреямъ такой барышническій эгоизмъ въ соціальныхъ вопросахъ—мы не имѣемъ права ужъ потому, что исторія польскихъ возстаній указываетъ на многихъ членовъ панургова стада, содѣйствовавшихъ мятежу изъ личныхъ видовъ, изъ русскихъ и даже нѣмцевъ, у которыхъ такъ значительно развито чувство честности и национальное сознаніе (таковъ напр., пруссій купецъ Адольфъ Гофманъ).

Алчность и страхъ передъ панами не заглушили однакожъ въ евреяхъ здраваго смысла и чувства законности, и исторія периода времени отъ 1831—1863 года представляетъ намъ длинный рядъ фактовъ, доказывающихъ несомнѣннымъ образомъ, что истинныя симпатіи евреевъ все время были на сторонѣ законнаго правительства.

«Отъ рѣшительного участія въ мятежѣ евреи отказывались; изрѣдка проглядываетъ случайно оғанатившаяся личность, искушенная мечтою о власти, тѣмъ сильнѣе дѣйствующая, что власть евреевъ менѣе доступна. Эмиграція хотѣла эмансипировать евреевъ, какъ она выражалась; попытка къ ополяченію евреевъ, къ признанію ихъ равными дѣтьми одной матки-ойчины, была сдѣлана въ 1846 году и была неудачна. Евреи видимо поддавались, обѣщали многое послѣ 1846 г. и работали смѣло, потому что крестьянъ не боялись: когда дѣла пошли плохо, евреи отстали первые» (Польская эмиграція, стр. 204). Въ виду завязавшагося мятежа, говорить г. Ратчъ (т. I, стр. 200), евреи, не смотря на всѣ польскія завѣренія, въ недоумѣніи какъ разыграется дѣло, становились неподатливыми заимодавцами. Болѣе подробныя указанія въ этомъ родѣ мы имѣемъ относительно возстанія 1831 г. у Смита (Исторія польского возстанія и войны, 1830 и 31 гг.).

Все среднее сословіе было, по его словамъ, противъ революціонныхъ затѣй шляхты (т. I; стр. 100), такъ что еслибъ власть была въ рукахъ горожанъ, то кровь не была бы пролита и покорность была бы тотчасъ оказана (стр. 184).

Въ самомъ началѣ революціонныхъ движений въ Варшавѣ были лишены жизни многіе евреи, подъ предлогомъ шпіонства у русскихъ: этотъ угнетенный народъ, замѣчаетъ по этому поводу Смитъ, постоянно служилъ цѣлью для преслѣдованія черни, которая ему метила кровью за мелкіе обманы въ торговлѣ (тамъ же, стр. 168). Панъ Круковецкій, по назначеніи его революціоннымъ сеймомъ губернаторомъ Варшавы, ознаменовалъ свое шляхетское управление особенно жестокимъ преслѣдованіемъ евреевъ, и не проходило почти дня, въ который нѣсколько евреевъ, виновныхъ и невинныхъ, не были повѣшены какъ русскіе шпіоны (тамъ же, стр. 464). Изъ этихъ послѣднихъ свѣдѣній, подтверждаемыхъ и другими источниками, видно, что евреи особенно охотно служили агентами и шпіонами для русского правительства, навлекая на себя этимъ жестокія гоненія повстанцевъ. Мы думаемъ, что приписывать это обстоятельство одной алчности евреевъ нѣть возможности, потому что еслибъ евреи принимали на себя опасную роль шпіоновъ только по корыстному расчету, имъ было бы гораздо безопаснѣе и выгоднѣе быть шпіонами у поляковъ, которые имѣли ихъ болѣе чѣмъ всякая другая нація въ мірѣ, благодаря сильному вліянію іезуитизма (тамъ же, стр. 255, прим.). Если же евреи рисковали жизнью для того, чтобы служить русскимъ интересамъ въ борьбѣ съ полонизмомъ, то конечно потому, что принимали эти интересы горячо къ сердцу. И дѣйствительно, когда фельдмаршаль Дибичъ появился во главѣ русскихъ войскъ въ предѣлахъ Польши, «евреи, нѣмцы и среднее сословіе (какъ донесъ ему князь Шаховской) встрѣтили русскихъ съ радостію, какъ возстановителей порядка» (тамъ же, стр. 383).

Затѣмъ, когда пламя мятежа разлилось и по Волыни и Подольї, то многочисленное тамошнее еврейское населеніе, если и не было противъ инсургентовъ, то и не держало ихъ сторону. Чуждые политическихъ страстей, евреи вѣрно предвидѣли чѣмъ окон-

чится борьба и сверхъ того они не могли ощущать никакого влечения рисковать жизнью и имуществомъ за дѣло, которое еслиъ и восторжествовало, то снова отдало бы ихъ безграничному своею волю шляхетства (тамъ же, т. 2, стр. 171). Евреи въ съверо-западномъ краѣ были болѣе всѣхъ другихъ притѣсняемы повстанцами, но они съ покорностью и дрожа переносили все, тогда какъ старообрядцы, далеко не столь многочисленные какъ евреи, оказывали такое сопротивленіе, что бунтовщикамъ скоро пришлось трепетать предъ ними (тамъ же, стр. 393). Такое пассивное отношение евреевъ къ повстанію объясняется конечно загнанностью ихъ, отсутствиемъ всякаго сознанія своей силы и непривычкой къ военному дѣлу и вообще тяжелому физическому труду.

До какой степени рѣшительна была антипатія евреевъ къ мя-
тежу видно напримѣръ изъ того, что въ Варшавѣ поляки не рѣ-
шались на войну потому, что значительную часть населенія состав-
ляли здѣсь немцы и евреи, на которыхъ нельзя было расчи-
тывать (Смить, т. 3, стр. 454). Понятенъ поэтому тотъ горькій
упрекъ, который дѣлаетъ польскимъ евреямъ знаменитый глава ве-
ликаго будованія – князь Адамъ Чарторыйскій, говоря въ рѣчи отъ
17 ноября 1844 г., что они въ 1830 и 31 гг. «враждебно и вѣ-
роломно противодѣйствовали полякамъ, перейдя на ту сторону, где
сила и золото» (Польская эмиграція, стр. 397). Правда, Чарторыйскій говоритъ далѣе, будто евреи съ тѣхъ поръ «начинаютъ
сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому
они предались, они въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ
Польшѣ, воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла.
Ихъ тоже, продолжаетъ пророческимъ тономъ ораторъ, унесетъ по-
токъ духа времени; они охотно для польской справы примкнутъ
къ другимъ жителямъ страны, при убѣждениіи, что Польша имъ
доставить болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для
ихъ благосостоянія».

... Послѣ усмиренія восстанія 1831 года не только не сдѣлано
ничего для серьезнаго привлеченія евреевъ на сторону русскаго
дѣла на западной окраинѣ, по крайней мѣрѣ до настоящаго цар-
ствованія; но какъ общее состояніе края за это время, такъ въ

частности юридической и экономической быть евреевъ сложился такимъ образомъ, чтобы усилить вліяніе польщизны на еврейское населеніе. Тѣмъ не менѣе предсказаніе Чарторыйскаго, что евреи будутъ совершенно увлечены потокомъ революціи, далеко не оправдалось на дѣлѣ, и въ возстаніи 1861—63 гг. евреи, по убѣждѣніямъ и симпатіямъ, были также положительно на сторонѣ русскихъ, какъ и въ мятежѣ 1831 г., хотя долговременное шляхетское управление и вліяніе не прошло безслѣдно и для евреевъ, особенно въ привислянскомъ краѣ. Такъ въ 1861 г., какъ и въ 1831, мятежныя манифестаціи не могли свободно появляться въ городахъ, потому что здѣсь большая часть населенія состояла изъ евреевъ, на содѣйствіе которыхъ поляки не могли расчитывать (Ратчъ, I. 134). При отправленіи въ Бѣлостокъ панихиды по убитымъ въ Варшавѣ при началѣ волненій, въ костелѣ были приглашены и евреи; но ихъ явились только 6 человѣкъ и тѣ павлекли на себя этимъ поступкомъ живѣйшее негодованіе своихъ единовѣрцевъ (Райковскій, польская молодежь западнаго края въ мятежѣ 1861—63 гг.; Русскій Вѣстникъ 1869 г., кн. 3, 251). Даже учащаяся еврейская молодежь, не смотря на общее увлеченіе молодаго образованнаго поколѣнія, даже изъ русскихъ, и та была очень сдержанна въ отношеніи къ повстанію. Это видно напр. изъ слѣдующаго факта, занесеннаго въ хронику той эпохи. 7 іюня 1861 г. ученики виленской гимназіи послали одного изъ своихъ товарищѣй, еврея, къ ученикамъ раввинскаго училища съ предложениемъ помириться съ ними, если они согласятся перевести революціонный гимнъ на еврейскій языкъ и пѣть его (тамъ же, стр. 264). Изъ этого извѣстія видно, что виленскіе гимназисты старались завлечь въ круговоротъ возстанія воспитанниковъ раввинскаго училища, но усилия ихъ оставались тщетными. У того же г. Райковскаго мы находимъ превосходную, основанную на фактахъ, характеристику роли евреевъ въ революціонной драмѣ, разыгравшейся на западной окраинѣ въ 1861—63 годахъ, которую и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

«Евреи, во множествѣ населяющіе западныя губерніи, чужды происходящей тамъ национальной борьбы, были по словамъ од-

нихъ на сторонѣ законнаго правительства, по убѣжденіямъ другихъ — на сторонѣ поляковъ. И то и другое показаніе подтверждается несомнѣнными фактами. Не имѣя вовсе намѣренія явиться бардомъ русскаго патріотизма въ средѣ евреевъ, не могу однако согласиться съ тѣми, кто безусловно отрицає въ еврейскомъ населеніи западныхъ губерній чувство преданности Россіи. Чувство это, конечно, рѣдко высказывалось такъ рельефно, какъ напримѣръ въ извѣстной проповѣди поневѣжскаго раввина Пумпянскаго, который во время полнаго разгара демонстрацій, въ августѣ 1861 г., рѣшился произнести въ синагогѣ поученіе въ русско-патріотическомъ духѣ; оно даже искусственно заглушалось цѣлой системой обособленія евреевъ отъ прочаго населенія, обязательнымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ школу, полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіозныя, кагаломъ и массой другихъ соотвѣтственныхъ этому установленій. При всемъ этомъ однако, западно-русскіе евреи, не смотря на кажущееся равнодушіе къ борьбѣ и готовность служить ради денегъ той и другой сторонѣ, въ сущности были на русской сторонѣ; но видя, что мы сами простодушно даемъ польщизнѣ противъ себя оружіе и не думаемъ даже скрыть отъ нея то, что слѣдуетъ держать въ тайнѣ, не рѣшились заявлять своихъ чувствъ публично, высказали ихъ лишь въ то время, когда мы отнеслись къ польскому вопросу серіозно, въ 1863 и 64 годахъ. (Западнорусскихъ евреевъ по чувству къ Россіи въ періодъ демонстрацій не слѣдуетъ смѣшивать съ евреями польскими, которые въ большинствѣ были вовлечены поляками въ агитацию. Польскіе евреи, и чрезъ раввиновъ, и воззваніями, настойчиво и даже съ угрозами требовали отъ западнорусскихъ содѣйствія мятежу, но всегда встрѣчали упорный отказъ). Поляки очень хорошо понимали нерасположеніе и недовѣріе къ нимъ евреевъ западнаго края и съ неудовольствіемъ видѣли, что еврей, вѣжливо устранившись отъ пана, держится ближе къ крестьянину и пользуется несравненно большимъ довѣріемъ послѣдняго, чѣмъ польская шляхта. Не даромъ же стали паны составлять тайные общества съ цѣлью вырвать торговлю изъ еврейскихъ рукъ и передать ее въ исключительно польскія руки, или распускать

по краю, рядомъ съ патріотическими воззваніями къ «Полякамъ монсеева закона» слухи, о необходимости перерѣзать евреевъ. Эти слухи, въ двухлѣтній періодъ демонстрацій, распространялись по краю семь или восемь разъ и ходили особенно сильно по гродненской и ковенской губерніямъ; евреи понимали смыслъ такой политики, знали откуда идутъ угрозы и не затруднялись предугадывать свою будущность, если-бы западный край, паче чаянія, дѣйствительно подпалъ власти польского правительства. Не рѣшаясь на открытое сопротивленіе польщизнѣ, евреи западнаго края упорно уклонялись не только отъ всякой роли въ демонстраціяхъ, но и отъ всякой солидарности съ панами. Много можно насчитать случаевъ когда поляки требовали ихъ участія, когда агитаторы западныхъ губерній считали сбыточнымъ такое же искусственное сближеніе между евреями и поляками, какое совершилось, вслѣдъ за февральскими событиями въ Варшавѣ—и потому пробовали любезничать съ евреями; но требованія эти были круто отклонены, и смыслъ любезностей понять. Такъ въ августѣ 1861 г., во время шумной политическо-религіозной процессіи, агитаторы требовали, чтобы раввинъ и мѣстные евреи мѣстечка Корицна (гродненской губерніи) вышли на встрѣчу съ заповѣдями; никто и не подумалъ исполнять ихъ желанія. Сестра шавельского предводителя дворянства, помѣщица В., призвала къ себѣ тамошнихъ купцовъ евреевъ и убѣдительно уговаривала ихъ присоединиться къ полякамъ и способствовать имъ отложитьсь отъ Россіи. Когда это не подействовало, патріотка вмѣстѣ съ замужней дочерью, и въ сопровожденіи одного мѣстнаго пана К. стала обходить лавки и дома зажиточныхъ евреевъ, склоняя ихъ проникнуться польскими чувствами, молиться о полякахъ и проч. Злополучная патріотка не получила однако согласія ни отъ одного еврея: ей откровенно отвѣчали, что будутъ держаться на сторонѣ законной власти. Благодаря евреямъ, наши мѣстныя власти имѣли отъ времени до времени свѣдѣнія о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ поляковъ; но этимъ едва ли и не ограничивались нравственные выгоды извлеченные нами изъ нейтрального, по видимому, положенія во время происходившихъ въ краѣ волненій. Мѣстная администрація знала о

настроениі евреевъ и всегда съ похвалой отзывалась о ихъ политической благонадежности» (Райковскій, кн. 2, стр. 610—612).

Не трудно объяснить себѣ причину такого упорного отвращенія западнорусскихъ евреевъ къ польской справѣ. Поляки, какъ можно видѣть изъ многихъ указанныхъ въ этой и предыдущей статьѣ фактъ, щедро расточали евреямъ льстивыя слова и обѣщанія, чтобы завлечь ихъ въ революцію, но когда доходило до дѣла, они давали имъ знать, что «еще не сгинела польска» и что не смотря на великодушные порывы и либеральные планы, они еще не освоились съ мыслью видѣть въ евреѣ равнаго себѣ человѣка и гражданина. Такъ мы видѣли, что мятежниками нѣсколько разъ были пущены слухи о необходимости перерѣзать всѣхъ евреевъ. Мы видѣли также, что не только уличная чернь, но даже губернаторъ Круковецкій отчасти приводилъ въ исполненіе этотъ звѣрскій планъ. Другой коноводъ повстанцевъ—панъ Матусевичъ снискалъ себѣ громкую известность между инсургентами не столько своими военными талантами, сколько неслыханными жестокостями, совершенными имъ надъ евреями и военнопленными: онъ сдиралъ съ нихъ кожу, сажалъ на колъ и т. п. (Смитъ, т. 2, стр. 400).

Мы видѣли также (въ отзывѣ г. Райковскаго), что поляки, заманивая и задабривая евреевъ, въ тоже время составляли планы отнять у нихъ экономическое значеніе въ западной окраинѣ. На этотъ замѣчательный фактъ указываетъ и г. Ратчъ. Въ то время, говорить онъ, какъ въ рѣчахъ и прокламаціяхъ евреямъ такъ искусительно расписывали, что они «поляки израелева закона» и во вновь созидаемой Польшѣ будутъ пользоваться полнымъ гражданскимъ равноправіемъ, вожаки бѣлой партіи (аристократической) старались устраниТЬ евреевъ отъ высшей торговли заведеніемъ особыхъ компаний для отправки заграницу произведеній края и привоза другихъ товаровъ (т. I, стр. 192). Евреи скоро поняли эту стратегику и охладѣли совершенно къ польской справѣ (тамъ же, стр. 154).

Но этого мало. Не только большинство мятежниковъ не могло

серъезно смотрѣть какъ на своего собрата на жида стараго по-
кря, на старо-законнаго; оно не могло равнодушно видѣть, а
тѣмъ менѣе уважать жида вполнѣ ополяченаго, принявшаго като-
лизмъ и политическія убѣжденія Польши. Это видно напримѣръ
изъ слѣдующаго характеристическаго случая. Выкресть изъ евре-
евъ—Клячко былъ въ послѣднее восстаніе, и еще до того, од-
нимъ изъ самыхъ даровитыхъ и горячихъ дѣятелей польской эми-
граціи. Онъ пользовался высокимъ довѣріемъ князя Адама Чарто-
рыйскаго до того, что тотъ поручилъ ему завѣданіе дипломати-
ческимъ департаментомъ своей администраціи. Несмотря на все это,
паны не могли простить ему неизгладимаго пятна низкаго проис-
хожденія. «Кровные паны весьма обижались принятими имъ горя-
чо патріотическими шляхетскими ухватками. Клячко стыдился того,
что онъ жидъ. Поэтъ Адамъ Мицкевичъ, затронутый за живое его
выходками, перебилъ его однажды среди выспреннихъ разглаголь-
ствованій вопросомъ: «не знаете ли вы, сколько раввинскихъ
училищъ въ Польшѣ?» и прибавилъ, что ему приличнѣе было бы
проповѣдывать полонизмъ евреямъ, чѣмъ выставлять себя адвокатомъ
шляхетскихъ притязаній». (Польская эмиграція, стр. 282).
Вотъ какъ поляки до мозга костей проникнуты шляхетской спѣсью
и национально сословными предразсудками.

Мудрено ли, что евреи скоро раскусили въ чемъ дѣло и откло-
нили отъ себя участіе въ повстаніяхъ? Здѣсь кстати будетъ при-
вести сообщаемыя г. Кельсіевымъ разсужденія двухъ евреевъ объ
истинномъ характерѣ ихъ отношеній къ полякамъ и польской справѣ.

Одинъ изъ нихъ говорилъ г. Кельсіеву, что если онъ и прини-
малъ участіе въ мятежѣ, доставляя полякамъ необходимые припасы
и амуницію, то единственно потому, что онъ былъ самымъ тѣ-
снымъ образомъ запутанъ въ хозяйственныя и другія дѣла пановъ,
въ рукахъ которыхъ находилось все его состояніе и что, при та-
комъ положеніи дѣль, онъ не могъ не принять участія въ повста-
ніи. Въ душѣ же, будучи убѣжденъ въ полной несостоятельности
польскихъ утопій, онъ питаетъ далеко не дружелюбныя чувства къ
дѣлу, которое его разорило и заставило эмигрировать. Другой еврей,
слушая разсужденія г. Кельсіева на счетъ сочувствія евреевъ къ

польской справѣ и возможности улучшенія быта ихъ при польскомъ правительствѣ, говорить слѣдующее: «при русскомъ правительствѣ съ меня взятки берутъ; за то голова моя цѣла и головы жены и дѣтей моихъ цѣлы. При полякахъ не то. У поляковъ первое дѣло жидъ, а жида нужно повѣсить и побить жида нужно. Когда они 30 лѣтъ назадъ (т. е. въ 1830 г.) бунтовали, мало ли они въ виленской губерніи жида перевѣшали, и за что вѣшали? Сами не знаютъ (это, какъ мы видѣли, историческій фактъ). Если же евреи и бунтовали въ Варшавѣ, то только для виду, потому что должны были слушаться пановъ и плясать по ихъ дудкѣ (Галичина и Молдавія, стр. 214 — 218). Намъ кажется, что лучшей иллюстраціи польско-еврейскаго дѣла, тѣмъ болѣе заслуживающей довѣрія, что она передана человѣкомъ, крайне враждебнымъ евреямъ, не могъ бы представить самый ярый защитникъ политической благонадежности евреевъ съ русской точки зрѣнія.

III.

Мы прослѣдили въ краткихъ чертахъ исторію отношеній полонизма къ евреямъ въ періодъ самостоятельной государственной жизни польского народа и затѣмъ въ періодъ революціонныхъ попытокъ къ возстановленію утраченной независимости. Мы видѣли, что отношенія эти никогда не переставали быть проникнутыми систематическимъ эгоизмомъ, стремленіемъ извлечь изъ презираемаго и ненавистнаго, но необходимаго племени какъ можно больше пользы для своихъ личныхъ, сословныхъ и національныхъ интересовъ, не допуская ихъ ни подъ какимъ видомъ до равноправнаго участія въ этихъ интересахъ, какъ людей и гражданъ. Насквозь пропитанные духомъ іезуитизма и его основнымъ ученіемъ о неразборчивости въ средствахъ для достижения цѣли, поляки могли на столько совладать съ своей спѣсью, чтобы унизиться до лести жиdamъ, которые такъ или иначе пригодились бы польской справѣ. Но, какъ мы видѣли, они не только думали объ удаленіи евреевъ отъ промышленной дѣятельности страны и даже объ истребленіи массы еврейскаго населенія въ западнорусскомъ краѣ, какъ оказалася враждебной

польскому дѣлу, по даже не могли проникнуться уваженіемъ или сочувствіемъ къ тѣмъ личностямъ еврейскаго происхожденія, которые искренно и горячо приняли къ сердцу религіозныя и политическія убѣжденія полонизма. Изъ приведенныхъ нами словъ, сказанныхъ Мицкевичемъ, безспорно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей великаго будованія, Клячу, видно до какой степени лучшіе изъ польскихъ патріотовъ не могли отрѣшиться отъ привычки видѣть въ евреѣ слѣпое орудіе къ достиженію своихъ цѣлей, а не свободную и равную себѣ личность. Совершенно такимъ же характеромъ отличается другая сторона отношеній польщины къ евреямъ, менѣе извѣстная, но чрезвычайно важная для нась по практическимъ своимъ результатамъ. Я говорю о вліяніи полонизма на русское законодательство относительно евреевъ.

Съ самаго присоединенія Царства Польскаго къ Россіи поляки усердно интриговали у русскаго правительства, не допуская изданія и осуществленія законовъ противныхъ интересамъ польской справы. Между прочимъ они зорко слѣдили за законодательнымъ ходомъ еврейскаго вопроса, парализуя благія начинанія правительства по этому предмету и препятствуя разрешенію его въ смыслѣ неблагопріятномъ для польскихъ интересовъ. Съ особеннымъ успѣхомъ подвизался на этомъ поприщѣ знаменитый князь Адамъ Чарторыйскій, который при императорѣ Александрѣ I долгое время пользовался огромнымъ вліяніемъ на государственные дѣла и злоупотреблялъ этимъ вліяніемъ для достиженія своихъ замысловъ. Чарторыйскій, говоритъ г. Ратчъ, старался всѣми силами, чтобы законы, противные интересамъ польской справы, не были исполнены. Для этого онъ обращался къ великодушію Александра, и когда подобный законъ, не смотря на его усилія, былъ издаваемъ, онъ старался усиліями туземцевъ усложнять дѣла и представить непреодолимыя будто бы препятствія къ исполненію новаго закона, такъ что онъ былъ отложенъ «впередъ до вѣнчанія». Сюда относятся между прочимъ, правительственные распоряженія о евреяхъ. Со временъ Рѣчи Посполитой евреи были спутниками панского владычества и служили помѣщикамъ необходимымъ орудіемъ для извлечения доходовъ изъ своихъ имѣній. Вслѣдствіе этого мысль Ека-

терии объ устраниеніи этого зла и обращеніи этого способнаго народа въ полезныхъ и истинныхъ русскихъ гражданъ, обработанная и утвержденная при Александрѣ I, не дошла до исполненія страніями Чарторыйскаго (Ратчъ, т. I, стр. 53). Это объясняется тѣмъ, что Чарторыйскій хорошо понималъ значеніе евреевъ въ польской средѣ для борьбы съ Россіей. Поэтому, постоянный, могучій защитникъ ихъ (т. е. защитникъ ихъ *statu quo*, какъ выгоднаго для польского дѣла), онъ и въ эмиграціи, въ рѣчахъ своихъ, не забывалъ никогда евреевъ, посвящаль имъ одобрительныя слова и внушалъ своимъ сторонникамъ убѣдить ихъ, что «Польша имъ доставить болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгода для ихъ благосостоянія». Въ предсмертной своей рѣчи, 1861 г., онъ излился въ благодарственныхъ похвалахъ евреямъ за ихъ сочувствіе къ польской справѣ (Ратчъ, I, 144).

Чтобы объяснить смыслъ словъ г. Ратча, что Чарторыйскій воспрепятствовалъ осуществленію коренной реформы въ быту евреевъ, задуманной еще при Екатеринѣ, а потомъ при Александрѣ Павловичѣ, обратимся къ исторіи Положенія о евреяхъ 1804 г. Положеніе это есть первый законодательный памятникъ, подробно и точно опредѣлившій права и обязанности евреевъ, какъ русскихъ подданныхъ. Оно легло въ основаніе всего послѣдующаго русского законодательства о евреяхъ; чрезвычайно интересно поэтому прослѣдить исторію его возникновенія и исполненія. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ предметѣ Державинъ, бывшій тогда министромъ юстиціи и членомъ еврейскаго комитета.

Еще при императорѣ Павлѣ Державинъ былъ посланъ въ Бѣлоруссію для изслѣдованія разныхъ мѣстныхъ вопросовъ, между прочимъ и вопроса объ отношеніи евреевъ къ коренному населенію западныхъ губерній. По этому поводу онъ составилъ подробную записку о еврейскомъ дѣлѣ, которую представилъ на усмотрѣніе высшаго правительства. Къ сожалѣнію Державинъ не говоритъ, въ чёмъ именно заключались соображенія его записки и мѣры, ею предлагаемыя, для превращенія евреевъ въ болѣе полезныхъ гражданъ; видно только изъ его разсказа, что тамъ предлагалось, между прочимъ, ограничить свободу торговли питьями евреевъ, а также «вы-

вести ихъ изъ Польши въ другія губерніи». При императорѣ Александрѣ былъ учрежденъ Ерейскій Комитетъ, членами котораго были назначены: князь Чарторыйскій, графъ Северинъ Потоцкій, Державинъ и графъ В. Зубовъ; этому комитету поручено было императоромъ разсмотрѣть записку Державина о евреяхъ, равно какъ и другую его записку о переселеніи мелкой шляхты изъ западныхъ губерній въ другія (обѣ эти записки, по словамъ Державина, были имъ доложены государю и онъ остался очень доволенъ ими).

Вследствіе разныхъ происковъ и интригъ Ерейскій Комитетъ откладывалъ свое дѣло пока Державинъ былъ въ числѣ членовъ и новый законъ составленъ тогда только, когда Державинъ оставилъ министерство и мѣсто его въ Комитетѣ занялъ князь Лопухинъ. Записка же Державина, въ особенности предложеніе его о переселеніи евреевъ и шляхты въ русскія губерніи, оставлены были безъ движенія Ерейскимъ Комитетомъ, по той причинѣ, что «члены Комитета большею частью изъ польскихъ вельможъ, какъ-то: Чарторыйскій, Потоцкій, а Лопухинъ и Зубовъ имѣли въ Польшѣ большія маєтности и мѣстечки, населенные шляхтой и жидами, и была бы знатная потеря ихъ доходамъ, еслибы живовъ и шляхту вывести изъ Польши въ другія губерніи, какъ-то предлагалъ Державинъ». Такимъ образомъ «частная польза помянутыхъ вельможъ перемогла государственную; евреи остались въ прежнемъ безпорядкѣ, а о шляхтѣ и думать не хотѣли». Державинъ разсказываетъ далѣе, что когда въ его отсутствіи принесены были въ Ерейскій Комитетъ его записки о шляхтѣ и о евреяхъ, то Чарторыйскій первую бросилъ въ каминъ, а вторую отдалъ для передѣлки Сперанскому, который былъ вполнѣ преданъ евреямъ чрезъ посредство откупщика Переца. Евреи тоже, по словамъ Державина, интриговали и действовали подкупами, чтобы предупредить реформы (Записки Державина, 1743—1812, Москва 1860 г., стр. 474 и слѣд.).

Но если по словамъ Державина, не проникшаго такъ глубоко въ козни польской партии, на характеръ Положенія 1804 г. имѣли главное вліяніе личные интересы его составителей, то судя по тому, что стало известнымъ въ настоящее время о дѣятельности Чарто-

рыйского и вообще польской магнатеріи при Александрѣ Павловичѣ, нельзя сомнѣваться въ справедливости отзыва г. Ратча, что Чарторыйскій въ своемъ сопротивленіи мѣрамъ русскаго правительства къ обрученію и эманципаціи евреевъ, руководствовался главнымъ образомъ не столько личными, сколько национально-польскими политическими видами. Это внѣшняя исторія положенія 1804 г. вполнѣ подтверждается самимъ содержаніемъ этого закона. Положеніе это, при сколько нибудь внимательномъ разсмотрѣніи, очень недвусмысленно даетъ знать свое происхожденіе и свою цѣль.

Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи фактъ является роль русскаго языка, сравнительно съ польскимъ и нѣмецкимъ, въ еврейской средѣ по закону 1804 г. Польскіе магнаты хорошо понимали значеніе языка въ политическомъ воспитаніи народа; они ясно видѣли, что распространеніе русскаго языка между евреями можетъ въ короткое время сдѣлать изъ нихъ довольно надежный оплотъ русскаго дѣла въ западной окраинѣ. Но съ другой стороны лишить *de jure* русскій языкъ всякаго права гражданства у евреевъ они не могли, въ виду твердо сознанной еще Екатериной Великой и унаследовавшимъ ея политику Александромъ I необходимости обрученія польскихъ областей. Такимъ образомъ въ Положеніи 1804 года явился компромиссъ между польской и русской политикой относительно господствующаго языка для евреевъ: русскій языкъ уравненъ въ правахъ гражданства съ польскимъ и нѣмецкимъ. Такъ, по положенію 1804 г., евреи могутъ устроить на свой счетъ особыя школы, съ тѣмъ, чтобы въ числѣ предметовъ обученія былъ одинъ изъ трехъ языковъ—русскій, польскій или нѣмецкій. Евреи, которые обучаются въ гимназіяхъ, должны носить нѣмецкое или польское платье. Купеческія книги, равно какъ и всякие юридические акты, евреи должны вести тоже на одномъ изъ этихъ трехъ языковъ. Для того чтобы еврей могъ быть выбранъ въ члены магистрата ему необходимо знать одинъ изъ этихъ трехъ языковъ. Такое же условіе постановлено для способности быть раввиномъ или кагальнымъ.

Такое уравненіе самимъ закономъ Положенія русскаго языка съ нѣмецкимъ и польскимъ, при фактическомъ господствѣ двухъ по-

следнихъ элементовъ въ западной окраинѣ, въ сущности было равносильно совершенному остракизму русскаго языка изъ еврейской среды.

Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати евреи стали бы вести торговыя книги на русскомъ языке, когда онъ имѣлъ дѣла почти исключительно съ населеніемъ, употреблявшимъ польскій и нѣмецкій языки, и самъ законъ далъ ему право вести книги на этихъ языкахъ?

Зачѣмъ сталъ бы онъ составлять акты на русскомъ языке для присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ преобладалъ языкъ польскій, когда притомъ законъ этого не требовалъ непремѣнно? Для чего стала бы онъ учить своихъ дѣтей русскому языку, когда законъ предоставилъ ему выборъ между тремя языками, изъ которыхъ русскій былъ въ совершенномъ загонѣ, а знаніе остальныхъ двухъ было необходимо ему на каждомъ шагу?

Польский характеръ Положенія 1804 г. сказывается и на всѣхъ остальныхъ его частяхъ. Такъ, въ немъ признается круговая порука членовъ еврейскаго общества въ отправлениіи государственныхъ повинностей, раскладка повинностей кагаломъ, а слѣдовательно и неограниченная власть кагала надъ еврейской массой, принадлежащая къ числу самыхъ темныхъ сторонъ польско-еврейской жизни. Достойно замѣчанія, что въ то время какъ положеніе о евреяхъ 1786 г., выросшее на русской почвѣ и потому явно стремившееся къ улучшенію гражданскаго быта евреевъ, положительно заботится о томъ, чтобы отодвинуть кагаль на задній планъ и подчинить евреевъ по возможности непосредственному вліянію общихъ гражданскихъ властей, польское дѣтище—положеніе 1804 г. возстановляеть власть кагала, этой главной помѣщицѣ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, почти въ томъ же объемѣ, какъ она существовала въ Рѣчи Посполитой.

Совершенно въ духѣ польскихъ статутовъ и сеймовыхъ конституцій, положеніе 1804 г. возлагаетъ надежду въ дѣлѣ исправленія евреевъ главнымъ образомъ на разныя воспрещенія, въ особенности на запрещеніе имъ арендовать хозяйственныя статьи и содержать питейные дома въ деревняхъ, такъ какъ еврейское вліяніе на сель-

ское населеніе, оставляя въ сторонѣ его значеніе съ точки зрења народнаго благосостоянія, не согласовалось съ политическими и экономическими видами пановъ. И опять-таки совершенно въ духѣ польской жизни запрещеніе это и послѣ 1804 г. такъ же не приводилось въ исполненіе, по несоответствію съ общимъ положеніемъ страны, какъ и прежде при польскихъ сеймахъ.

Положеніе 1804 г. еще въ одномъ отношеніи представляетъ шагъ назадъ въ сравненіи съ положеніемъ 1786 г. Послѣднее говоритъ о евреяхъ, какъ членахъ магистратовъ, ратушъ и градскихъ думъ. Законъ 1804 г. упоминаетъ только о евреяхъ—членахъ магистрата (Леонтовичъ, Сіонъ, № 27). Въ этомъ обстоятельствѣ опять видѣнъ поворотъ именно къ польскимъ началамъ: известно, что польское законодательство безусловно устранило евреевъ отъ занятія всякихъ должностей въ еврейской общественной жизни. Что составители положенія 1804 г. имѣли въ виду главнымъ образомъ мѣстные интересы, видно напр. изъ слѣдующаго факта. Евреямъ дозволяется приписаться въ цехи, если это не противно привилегіямъ, присвоеннымъ нѣкоторымъ городамъ (еще при польскомъ правительстве).

О переселеніи евреевъ въ русскія губерніи, предложенномъ Державинымъ, въ этомъ положеніи нѣтъ и помину. Правда, въ положеніи 1804 г. есть нѣкоторая положительная и разумная мѣры къ переустройству быта евреевъ: здѣсь говорится о поощреніи землевладѣльческаго, фабричнаго и ремесленнаго труда между евреями. Но достойно замѣченія, что правительство всегда поддерживало еврейское земледѣліе только на югѣ Россіи, а не на западной окраинѣ. Мы не имѣмъ теперь точныхъ свѣдѣній относительно причинъ этого явленія, но судя по опыту послѣднихъ лѣтъ и тому, что сдѣгалось известнымъ о дѣятельности польской партии у насъ до послѣдняго времени, можно съ большой вѣроятностью предполагать, что здѣсь главную роль играли пропски магнатеріи, которая основательно видѣла въ еврейскомъ землевладѣніи опаснаго врага своихъ замысловъ. Постановленія же закона 1804 г. о воспомоществованіи фабричному и ремесленному труду евреевъ, наиболѣе цѣлесообразныя изъ всѣхъ мѣръ этого положенія, потому

что наиболее принаоровленныя къ дѣйствительному быту евреевъ, остались безъ исполненія, какъ несогласныя съ интересами великаго будованія, которому нужны были евреи—факторы, контрабандисты, шпіоны и вообще панскіе фактотумы, а не самостоятельные и по всей вѣроятности враждебные ихъ затѣямъ евреи — фабриканты.

Вообще «положеніе 1804 г. было исполнено только отчасти, и быть евреевъ, столько же вредный для государства, сколько для нихъ самыxъ, мало улучшился» (Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I, т. I, стр. 109).

Мы не можемъ, конечно, входить здѣсь въ такое же подробное разсмотрѣніе вліянія польскихъ идей и тенденцій на послѣдующую дѣятельность русскаго правительства относительно евреевъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы написать здѣсь полную исторію русскихъ евреевъ въ XIX столѣтіи; притомъ же материалы для подобнаго изслѣдованія очень немногочисленны и мало доступны. Но и тѣ подробности, которыя сообщены нами относительно исторіи и характера положенія 1804 г., могутъ убѣдить читателя въ правильности словъ г. Райковскаго, когда онъ утверждаетъ, что «чувство преданности евреевъ къ Россіи искусственно заглушалось цѣлой системой обособленія евреевъ отъ прочаго населенія, обязательнымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ школу, полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіознаго характера, католомъ и массой другихъ соотвѣтственныхъ этимъ установленій».

Даже въ настоящее время, когда истинный характеръ польской справы достаточно разоблаченъ какъ самими событиями, такъ и русской печатью, поляки не перестаютъ еще напускать туманъ на настоящее положеніе еврейскаго, какъ и многихъ другихъ вопросовъ, въ чемъ къ сожалѣнію нерѣдко имѣютъ и теперь успѣхъ, и изъ заблужденій и промаховъ русскихъ извлекаютъ выгоды для своего дѣла. Такъ, говоря о слухахъ, которые распускали повстанцы о необходимости вырѣзать западно-русскихъ евреевъ для обеспечения успеха польской справѣ, г. Райковскій справедливо замѣчаетъ: «не той ли же политики держится и теперь польская пар-

тія, которая съ тѣхъ поръ, какъ повелась рѣчь объ обрусѣніи западного края стала запугивать русское общество мнимыми опасностями оевреенія западныхъ губерній? Цѣль понятна: вмѣсто того, чтобы нарировать ударъ, выгоднѣе убѣдить нась направить его противъ преданнаго намъ населенія. Евреи, впрочемъ, логически возражаютъ на это, что еслибы русскій элементъ въ западномъ краѣ былъ обреченъ на вѣчный загонъ, то по численности, по довѣрію въ средѣ мѣстнаго населенія, количеству капиталовъ и наконецъ по политической благонадежности, они имѣютъ гораздо больше права на преобладаніе въ краѣ, чѣмъ поляки, и что ни одному еврею не придется въ голову навязывать русскому населенію свою вѣру» («Русскій Вѣстникъ» 1869 г., кн. 2, стр. 613). Эти мысли и наблюденія, въ связи съ данными, представленными въ предыдущихъ статьяхъ, даютъ намъ, кажется, довольно надежную точку исхода для отвѣта на заданные въ началѣ этого очерка вопросы. Мы можемъ поэтому въ слѣдующей статьѣ приступить къ общимъ соображеніямъ о томъ, каково дѣйствительное значеніе евреевъ западныхъ губерній въ дѣлѣ обрусенія и какова должна быть русская политика по отношенію къ нимъ.

IV.

Первый выводъ, къ которому приводятъ нась сгруппированные въ прежнихъ статьяхъ факты, состоитъ въ слѣдующемъ. Польша независимая не могла внушить и дѣйствительно не внушила жившимъ въ ея владѣніяхъ евреямъ искренней привязанности къ польскому режиму и польскимъ порядкамъ. Поэтому, когда Пруссія и Австрія энергически принялись за расположение отошедшихъ къ нимъ польскихъ провинцій и реорганизацію ихъ общественного строя, евреи очень охотно перешли въ нѣмецкій лагерь, не смотря на то, что германизація не пощадила ихъ экономическихъ интересовъ, съ одной стороны вызвавъ къ жизни опасную для евреевъ конкуренцію нѣмецкаго купечества и мѣщанства, а съ другой — заставивъ самихъ евреевъ промѣнять легкій промыселъ барышничества и панского нахлѣбничества на болѣе солидныя и трудныя занятія. Правда,

часть евреевъ не отказывалась отъ услугенія затѣямъ пановъ-революціонеровъ, но при этомъ они платили имъ ихъ собственной монетой. Какъ поляки видѣли въ жидахъ живое орудіе для достижения своихъ цѣлей¹⁾, такъ жиды, исполняя польскія порученія, относились къ нимъ также безъ малѣйшаго сочувствія, видя въ революціонныхъ замыслахъ пановъ тоже лишь средство къ достижению своей цѣли—наживы.

По убѣжденіямъ же и добровольному образу дѣйствій они были всегда на сторонѣ правительства. Правда, евреи рѣдко когда решались дать открытый, мужественный отпоръ пропискамъ великаго будованія; но это вполнѣ объясняется зависимыемъ положеніемъ евреевъ въ старое время, какъ въ соціальномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Благодаря этой зависимости, равно какъ отученію евреевъ отъ военныхъ дѣйствій²⁾, польскіе евреи не могли считать себя самостоятельнымъ политическимъ элементомъ и льнули къ той сторонѣ, на которой была действительная сила. Если въ Австріи часть евреевъ и увлекалась некоторое время польскими тенденціями, то только потому, что тамъ господствовалъ польской элементъ, благодаря слабости правительственной власти и государственного организма, разъѣдаемаго національной разрозненностью и враждебностью различныхъ элементовъ населенія. Что здѣсь виной была действительно только одна слабость правительства и податливость его полонізму, это подтверждается примѣромъ Пруссіи, гдѣ, благодаря твердости правительства въ преслѣдовании разъ принятой системы, мы не замѣчаемъ и колебанія евреевъ въ сторону полонизма.

¹⁾ Такъ, въ 1861 г. между польскими помѣщиками носились слухи объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ обширнаго торгово-коммисіонерскаго дома, при чёмъ выставлялось на видъ, что масса евреевъ, потерявъ чрезъ это источники проштанія, поневолѣ обратится въ покорныхъ слугъ польской партіи (Райковскій, Р. Вѣстн. 1869 г., кн. 10, 543).

²⁾ Впрочемъ, неспособность евреевъ (польскихъ) къ военнымъ дѣйствіямъ вовсе не такъ безусловна, какъ обыкновенно полагаютъ. Такъ А. П. Ермоловъ рассказывалъ, что еврейскій баталіонъ дрался съ рѣдкимъ мужествомъ въ 1794 г., отстаивая собственныя жилища противъ Суворова, при штурмѣ Праги (Ратчъ, I, 174).

Въ Россіи евреи отнеслись къ польщизнѣ точно такимъ же образомъ, какъ и въ германскихъ государствахъ и при одинаковости болѣзни соціального организма Рѣчи Посполитой, какъ въ русской, такъ и въ германскихъ ея частяхъ, ясно, что и лечение должно быть одно и то-же, такъ-какъ одинаковыя причины вездѣ порождаютъ одинаковыя послѣдствія. И въ русско-польскихъ провинціяхъ евреи, не имѣя подъ ногами почвы, ни въ экономическомъ отношеніи, будучи всецѣло въ рукахъ поляющей шляхты, ни въ государственно-общественномъ, гдѣ они также безусловно зависѣли отъ шляхетской администраціи,—не могли открытой силой выступить противъ повстанія, не могли даже отказывать ему иногда въ помощи, понуждаемые къ тому истязаніями, вымогательствами и голодомъ. Но гдѣ правительство заявило себя достаточно сильнымъ и постояннымъ относительно полонизма, тамъ евреи не стѣснялись обнаружить истинныя свои чувства къ происходившей на глазахъ ихъ борьбѣ, и вездѣ, гдѣ чувства эти проявлялись непринужденно, симпатіи евреевъ были на сторонѣ Россіи, особенно въ западно-русскомъ краѣ. При такомъ положеніи дѣль, если притомъ принять въ соображеніе опытъ Пруссіи и Австріи, которымъ мы можемъ прямо позаимствовать, казалось бы, не должно быть мѣста сомнѣнію насчетъ политики Россіи по еврейскому вопросу на западной окраинѣ. Направленіе этой политики очень ясно очерчивается тѣми словами, которыми одинъ германскій публицистъ характеризуетъ образъ дѣйствій Австріи и Пруссіи въ польскихъ провинціяхъ: «поддерживать разумную равноправность, по которой личный трудъ и способности ведутъ каждого къ упроченію своего благосостоянія и не допускать привилегированныхъ классовъ общества къ насильственному преобладанію надъ другими, болѣе слабыми сословіями». Если и представляется нѣкоторое различіе между отношеніями Россіи съ одной стороны, а германскихъ государствъ съ другой, къ живущимъ въ польскихъ и ополяченныхъ провинціяхъ евреямъ, то различіе это заключается въ слѣдующихъ двухъ явленіяхъ. Во-первыхъ, въ западно-русскомъ и привислянскомъ краяхъ еврейскій элементъ болѣе многочисленъ и хотя такъ же слабъ и нуждается въ поддержаніи правительства въ соціально-юри-

дическомъ отношении, но за то болѣе силенъ въ экономическомъ отношении, вслѣдствіе того, что здѣсь сохранились въ болѣе чистомъ видѣ старинные польские порядки, давшіе возможность промышленному еврейскому классу пріобрѣсти *de facto* то значеніе, которое не признавалось за ними закономъ и общественнымъ мнѣніемъ; тогда какъ въ Познани и Галиціи, издавна подвергавшихся вліянію близкой германской культуры, евреи не могли уже играть такой значительной роли. Во-вторыхъ, и самъ полонизмъ въ Галиціи и Познани не въ такой степени силенъ, какъ у нась, и правительстvомъ Пруссіи и Австріи, благодаря большей стройности и прочности администраціи и большей крѣпости германского элемента вообще и національного его самосознанія въ особенности, борьба съ полонизмомъ была гораздо легче, чѣмъ у нась. И не смотря на то, они не брезгали въ этой неравной борьбѣ, гдѣ всѣ шансы успѣха были на ихъ сторонѣ, и такимъ союзникомъ, какъ евреи. Далеко не то у нась, гдѣ полонизмъ держится гораздо крѣпче, вслѣдствіе количественнаго и качественнаго перевѣса, гдѣ администрація не можетъ похвалиться такимъ постоянствомъ какъ германская, а національное самосознаніе очень мало развито (какъ это ясно видно изъ хода дѣла о землевладѣніи въ западномъ краѣ).

Такимъ образомъ, если и замѣчается различіе между отношеніями Россіи, Пруссіи и Австріи къ полонизму и еврейству, то оно сводится къ тому, что Россія, во-первыхъ, можетъ большаго ожидать отъ участія евреевъ въ обрусеніи западнаго края, чѣмъ Пруссія и Австрія въ ополяченіи Познани и Галиціи, и во-вторыхъ, что Россія болѣе нуждается въ этой помощи еврейскаго элемента, чѣмъ послѣднія два государства.

Въ сущности же государственная дѣятельность по этому предмету должна быть направлена къ тому же, къ чему стремились Пруссія и Австрія, а именно: къ уничтоженію всѣхъ исключительныхъ польскихъ законовъ о евреяхъ, дѣятельному поощренію всѣхъ попытокъ со стороны ихъ къ усвоенію себѣ образования въ русскомъ духѣ, дарованію имъ права свободнаго перехода въ другія части государства, эмансипаціи евреевъ изъ-подъ экономического гнета шляхетства и пріученію ихъ къ такимъ промысламъ и заня-

тіямъ, которые дали бы имъ возможность жить самостоятельно и независимо отъ панскихъ прихотей, дабы они могли въ случаѣ надобности открыто дѣйствовать по своему убѣжденію, не будучи вынуждаемы, какъ это было до сихъ поръ, насилиями, къ участію въ анти-государственныхъ пропскахъ и затѣяхъ меньшинства населенія. Въ дѣйствительности же, къ сожалѣнію, мы видимъ совсѣмъ не то. Не только въ прежнее время, но и теперь полякамъ нѣрѣдко удается вводить въ заблужденіе русскихъ насчетъ настоящей точки зрењія на еврейскій вопросъ, причемъ главнымъ средствомъ служитъ указаніе на опасность оевреенія западной окраины. Что такой опасности вовсе нѣть въ дѣйствительности, въ этомъ убѣждаетъ насъ, кромѣ многихъ другихъ фактовъ, примѣръ Новороссійскаго края, гдѣ, не смотря на болѣе льготное положеніе евреевъ, не только не замѣчается ничего похожаго на оеврееніе края, но напротивъ, обруcenіе ихъ идетъ изумительно быстро. Само собою разумѣется, что мы вовсе не отрицаемъ необходимости для Россіи позаботиться образованіемъ въ западной части многочисленнаго русскаго населенія, особенно городскаго, безъ чего трудно ожидать прочнаго органическаго объединенія этой страны съ русскимъ государственнымъ тѣломъ. Но обѣ этомъ можно будетъ подумать только тогда, когда еврейскому населенію западной полосы Имперіи дадутъ возможность разрѣдѣть посредствомъ дозволенія и даже поощренія перехода его въ другія части Россіи. Что подобная реформа, необходимая сама по себѣ, не только не противорѣчить, но даже согласна съ началами русской политики, можно видѣть напримѣръ изъ слѣдующаго очень любопытнаго, но мало известнаго разсказа Екатерины Великой. На пятый или шестой день по возшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II прибыла въ сенатъ...

Случилось, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуживать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ единогласно признали полезнымъ это допущеніе; но Екатерина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, затруднялась изъявить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ князь Одоевскій; онъ всталъ и сказалъ: «прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно ли будетъ вашему величеству посмотретьъ собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала

императрица Елизавета?» Екатерина приказала достать списки и нашла, что императрица Елизавета на поляхъ дѣла, по своему благочестію, написала: «Отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли». Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое, вслѣдствіе этой дурно принаровленной мѣры, не зналъ чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ, объявить оное вреднымъ—было тоже невозможнo. Екатерина поступила просто: когда генераль-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: «я желаю, чтобы дѣло это было отложено до другого времени». «Такъ то нерѣдко случается, прибавляетъ великая императрица, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ¹⁾».

Повторяемъ, казалось, не должно бы быть мѣста сомнѣнію относительно политического значенія евреевъ на западной окраинѣ и истиннаго направленія русской политики по этому предмету, а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ далеко не то. Но только практика послѣднихъ лѣтъ представляетъ уклоненія отъ программы «разумной равноправности, поддержки личной энергіи, уничтоженія сословныхъ и національныхъ привилегій», но даже въ литературѣ большую частью приходятъ у насъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которые даютъ беспристрастно рассматриваемые факты исторіи владѣній Рѣчи Посполитой. Такъ напр. г. Ратчъ, собравший столько данныхъ, бросающихъ истинный свѣтъ на разбираемый нами предметъ, смотрѣть однakoжъ на эти данные сквозь густо-окрашенную предразсудками призму и потому ставить такія поло-

¹⁾ Рассказъ Екатерины II о своемъ царствованіи (Русскій архивъ 1865 г., стр. 492).

женія, которая рѣшительно противорѣчать несомнѣннымъ, имъ са-
мимъ указываемъ фактамъ. Нѣмцы, говорить онъ, доказали, что
развитые евреи не считаютъ родину за отечество, что въ Герма-
ніи они только онѣмѣлись, но не огерманились (различіе для насъ
непонятное). Одна утопія можетъ предполагать, чтобы благо рус-
скаго народа стало руководить стремленіями образованныхъ евре-
евъ, а не чужеядныя домогательства ихъ единоплеменниковъ. (Ратчъ,
т. I, стр. 154). Мы не знаемъ, какіе нѣмцы и чѣмъ именно до-
казали нелѣпый тезисъ г. Ратча, но знаемъ то, что онъ опровер-
гается всей исторіей іудаизма въ Германіи за послѣднее время.
Мы не говоримъ уже о томъ, что изъ среды евреевъ вышли мно-
гія изъ наиболѣе популярныхъ личностей нашего вѣка въ Германіи,
истинно народные дѣятели по всевозможнымъ отраслямъ обществен-
ной жизни (Гейне, Берне и Б. Ауэрбахъ—писатели; Лассаль, стояв-
ший во главѣ соціально-демократического движения по рабочему во-
просу, депутаты Ласкеръ и Кошъ, принадлежащіе къ числу самыхъ
энергическихъ членовъ національно-демократической партіи въ Гер-
маніи); одно то обстоятельство, что евреи, въ послѣднюю прусско-
австрійскую войну и задолго до нея, фактически доказали свой
патріотизмъ тамъ, гдѣ онъ подвергается наиболѣе тяжелому испы-
танію—на полѣ битвы,—одно это доказываетъ всю ложность того,
что г. Ратчъ приводить какъ доказанный фактъ.

Такъ же нелогично разсуждать объ этомъ предметѣ г. Кель-
сievъ. «Патріотизмъ евреевъ, говорить онъ, дѣло болѣе чѣмъ сом-
нительное. Намъ кажется просто, что его вовсе нѣть; кланяются
они тому, у кого сила въ рукахъ и если они что нибудь уважа-
ютъ, то это силу. Покуда въ западномъ краѣ и Царствѣ Поль-
скомъ сила въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ они наши; приди
туда французы, поляки, китайцы—они, не задумываясь, принесутъ
имъ присягу въ вѣрноподданствѣ, а что самое грустное—это то,
что по духу своей цивилизаціи они, если къ кому нибудь лѣнутъ,
то это къ нѣмцамъ... Если есть у насъ въ западномъ краѣ какіе нибудь
шонеры германизаціи, то, само собою разумѣется, это евреи ¹⁾».

¹⁾ Галиція и Молдавія, стр. 218.

Незрѣльность и поверхностность, столь свойственныя г. Кельсіеву, ярко бросаются въ глаза въ этомъ его суждениі. Въ самомъ дѣлѣ, если и допустить, что никакой преданности со стороны евреевъ къ Россіи нѣть (что опровергается, какъ мы видѣли, фактами), то легко усмотретьъ, что между смысломъ этого факта и тѣмъ, что сообщается тутъ же о сочувствіи евреевъ къ нѣмецкой цивилизації—есть внутреннее противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или евреи заботятся только о своихъ личныхъ материальныхъ выгодахъ, ничего другаго знать не хотятъ—и въ такомъ случаѣ нельзя допустить въ нихъ усвоенія нѣмецкой образованности, такъ какъ это не можетъ дать имъ никакихъ материальныхъ благъ въ Россіи; или же евреи способны интересоваться и чѣмъ нибудь другимъ, кроме физическихъ выгодъ, и потому лѣнуть къ нѣмецкой культурѣ, что дѣйствительно справедливо,—и въ такомъ случаѣ очевидно, что они могутъ сдѣлаться горячими партизанами и русской гражданственности, если она привлечетъ къ себѣ ихъ симпатіи. А что это послѣднее очень возможно при извѣстныхъ условіяхъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кстати о нѣмцахъ и отношеніяхъ къ нимъ евреевъ. Г. Кельсіевъ увѣряетъ, что евреи служить у насъ шонерами германизма; можно полагать даже, что по его мнѣнію это иначе и быть не можетъ. Но это совершенно невѣрно. Уже въ началѣ этого очерка было замѣчено вскользь, что съ самого начала появленія своего во владѣніяхъ Польши евреи стали въ рѣзкій антагонизмъ къ нѣмецкимъ городскимъ общинамъ и такимъ образомъ постоянно не только не служили опорой, но противовѣсомъ вліянію нѣмецкаго элемента. «Противъ евреевъ, говорить Грецъ въ своей «Исторіи евреевъ», по смерти Казимира IV, подняли оружіе два противника: духовенство и нѣмецкое купечество, которое ненавидѣло изъ зависти еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ. Но сильнѣйшую опору имѣли евреи въ дворянствѣ, ненавидѣвшемъ нѣмецкихъ горожанъ изъ национальной и политической антипатіи и поэтому благопріятствовавшемъ евреямъ изъ собственной пользы и какъ орудію противъ жадныхъ нѣмцевъ¹⁾».

¹⁾ Грецъ, Geschichte der Juden, IX, 61.

Это историческая миссия евреевъ—образовать туземное промышленное сословіе, какъ оплотъ противъ господства нѣмцевъ и нѣмецкой культуры, въ настоящее время имѣть еще болѣе значенія, чѣмъ въ старину. Въ нашей периодической печати очень часто появляются жалобы на постоянное усиленіе нѣмецкаго элемента на западной окраинѣ. Въ 1866 г. было помѣщено въ газетахъ любопытное письмо о нѣмцахъ на Волыни, по поводу которого было справедливо замѣчено, «что въ нашихъ западныхъ окраинахъ проходитъ натискъ нѣмецкихъ элементовъ, которые начинаютъ приводить въ исполненіе свое вѣковое назначение—Drang nach Osten. Не мѣшаетъ обратить на этотъ предметъ серьезное вниманіе¹⁾». Въ привислянскомъ краѣ, по официальнымъ даннымъ, собраннымъ составителемъ этнографической карты Царства Польскаго г. Галкинымъ, замѣчается теперь быстрое увеличеніе нѣмецкаго населенія, что, въ виду умственнаго превосходства нѣмцевъ и сосѣдства германской территории, составляетъ фактъ весьма тревожнаго характера. Евреи же, по словамъ г. Галкина, «вовсе не причиняютъ такого сильнаго подрыва народному богатству, какъ это обыкновенно имъ приписывается! Вредъ, причиняемый ими въ этомъ случаѣ, зависитъ болѣе отъ ограниченія ихъ политическихъ правъ, чѣмъ отъ иныхъ причинъ²⁾».

Наконецъ въ Кіевлянинѣ недавно помѣщены очень неутѣшительныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ элементѣ въ Волынской губерніи³⁾.

Имѣя въ виду подобнаго рода факты, по истинѣ нельзя не удивляться ослѣпленію нашихъ русификаторовъ, когда они изъ кожи лѣзутъ, чтобы выхлопотать для евреевъ одно ограниченіе за другимъ, не замѣчая, что каждый шагъ къ ослабленію единственнаго промышленнаго класса изъ туземцевъ неминуемо ведетъ къ усиленію иностранныхъ элементовъ, гибельныхъ для края и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если и допустить, что евреи составляютъ зло для западной окра-

¹⁾ Голосъ 1866 г., № 68

²⁾ Новое Время 1869 г., № 242.

³⁾ Кіевлянинъ 1870 г., № 2.

ины, чего въ такомъ общемъ видѣ однакожъ нельзя допустить, то для каждого, «имѣющаго глаза, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать», не поддаваясь традиціоннымъ предубѣженіямъ, должно быть ясно, что при отсутствіи въ краѣ русскаго промышленнаго городскаго населенія, для Россіи несравненно выгоднѣе поддерживать еврейство, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ и самой Россіи, можетъ и должно слиться съ господствующимъ народомъ, чѣмъ, ослабляя его, дать возможность усилиться иноземцамъ, которые имѣютъ свои политическія тенденціи, никогда не забывая, что «у нихъ въ Швабії король есть» и по вѣковой враждебности къ славянскому миру, по превосходству своей культуры и многимъ другимъ условіямъ на долго еще не перестанутъ быть опасными для національного развитія Россіи и славянства. Пробнымъ камнемъ для правильности этихъ общихъ соображеній въ примѣненіи къ конкретнымъ фактамъ можетъ служить дѣло о еврейскомъ землевладѣніи въ западномъ краѣ. Но по важности этого вопроса мы о немъ поговоримъ отдельно.